

ДОШКОЛЬНОЕ
ЧТЕНИЕ

Х. К. Андерсен
Э. Т. А. Гофман

Щелкунчик сказки

Соответствует
ФГОС ДО

«МАЛЫШ»

**Ганс Христиан Андерсен
Эрнст Теодор Амадей Гофман
«Щелкунчик». Сказки
Серия «Дошкольное чтение»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25751501

*«Щелкунчик». Сказки / Пересказ А. Ганзен, Л. Яхнин : худож. А.
Чукавин, И. Чукавина: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-104676-7*

Аннотация

В книгу вошли две сказки: Х. К. Андерсена «Снежная королева» (перевод А. Ганзен) и Э. Т. А. Гофмана «Щелкунчик и мышиный король» (перевод Л. Яхнина). Этим сказкам более ста лет, но до сих пор ими зачитываются дети многих стран.

Для дошкольного возраста.

Содержание

Ханс Кристиан Андерсен	5
Рассказ первый	6
Рассказ второй	10
Рассказ третий	25
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ганс Христиан Андерсен «Щелкунчик». Сказки

© Пересказ, Яхнин Л. Л., 2017

© Чукавин А. А., ил., 2017

© Чукавина И. А., ил., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Ханс Кристиан Андерсен Снежная королева

Рассказ первый

Зеркало и его осколки

Ну, начнём! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь.

Так вот, жил-был тролль, злощущий-презлющий; то был сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, всё же негодное и безобразное, напротив, выступало ещё ярче, казалось ещё хуже. Прелестнейшие ландшафты выглядели в нём варёным шпинатом, а лучшие из людей – уродами, или казалось, что они стоят кверху ногами, а животов у них вовсе нет! Лица искажались до того, что нельзя было и узнать их; случись же

у кого на лице веснушка или родинка, она расплывалась во всё лицо. Дьявола всё это ужасно потешало. Добрая, благочестивая человеческая мысль отражалась в зеркале невообразимой гримасой, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля – у него была своя школа – рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде.

– Теперь только, – говорили они, – можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И вот они бегали с зеркалом повсюду; скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нём в искажённом виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и самим Творцом. Чем выше поднимались они, тем сильнее кривлялось и корчилось зеркало от гримас; они еле-еле удерживали его в руках. Но вот они поднялись ещё, и вдруг зеркало так перекосило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги.

Миллионы, миллиарды его осколков наделали, однако, ещё больше бед, чем самоё зеркало. Некоторые из них были не больше песчинки, разлетались по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть всё наизусть или замечать в каждой вещи одни лишь дурные стороны – ведь каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось самоё зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие, такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее! А злой тролль хохотал до колик, так приятно щекотал его успех этой выдумки. Но по свету летало ещё много осколков зеркала. Послушаем же про них.

Рассказ второй

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем и каждому удаётся отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка. Они не были в родстве, но любили друг друга, как брат и сестра. Родители их жили в мансардах смежных домов. Кровли домов почти сходились, а под выступами кровель шло по водосточному жёлобу, приходившемуся как раз под окошком каждой мансарды. Стоило, таким образом, шагнуть из какого-нибудь окошка на жёлоб, и можно было

очутиться у окна соседей.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли коренья и небольшие кусты роз – в каждом по одному, – осыпанные чуждыми цветами. Родителям пришлось в голову поставить эти ящики на дно желобов; таким образом, от одного окна к другому тянулись словно две цветочные грядки. Горох спускался из ящичков зелёными гирляндами, розовые кусты заглядывали в окна и сплетались ветвями; образовалось нечто вроде триумфальных ворот из зелени и цветов. Так как ящики были очень высоки и дети твёрдо знали, что им нельзя карабкаться на них, то родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу по крыше в гости и сидеть на скамеечке под розами. И что за весёлые игры устраивали они тут!

Зимой это удовольствие прекращалось, окна зачастую покрывались ледяными узорами. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замёрзшим стёклам – сейчас же оттаивало чудесное кругленькое отверстие, а в него выглядывал весёлый, ласковый глазок, – это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка, Кай и Герда. Летом они одним прыжком могли очутиться в гостях друг у друга, а зимой надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе перепархивал снежок.

– Это роятся белые пчёлки! – говорила старушка бабушка.

– А у них тоже есть королева? – спрашивал мальчик; он знал, что у настоящих пчёл есть такая.

– Есть! – отвечала бабушка. – Снежинки окружают её густым роем, но она больше их всех и никогда не остаётся на земле – вечно носится на чёрном облаке. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки; вот оттого-то они и покрываются ледяными узорами, словно цветами!

– Видели, видели! – говорили дети и верили, что всё это сушая правда.

– А Снежная королева не может войти сюда? – спросила раз девочка.

– Пусть-ка попробует! – сказал мальчик. – Я посажу её на тёплую печку, вот она и растает!

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был уже дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, укутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звёздочек. Она была так прелестна, так нежна, вся из ослепительно-белого льда и всё же живая! Глаза её сверкали, как звёзды, но в них не было ни теплоты, ни кротости. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный морозец, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнышко светило, цветочные ящики опять были все в зелени, ласточки вили под крышей гнёзда, окна растворили, и детям опять можно было сидеть в своём маленьком садике на крыше.

Розы цвели всё лето восхитительно. Девочка выучила псалом, в котором тоже говорилось о розах; девочка пела его мальчику, думая при этом о своих розах, и он подпевал ей:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы младенца Христа.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на ясное солнышко и разговаривали с ним – им чудилось, что с него глядел на них сам младенец Христос. Что за чудное было лето, и как хорошо было под кустами благоухающих роз, которые, казалось, должны были цвести вечно!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками – зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

– Ай! – вскрикнул вдруг мальчик. – Мне кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею, он мигал, но в глазу ничего как будто не было.

– Должно быть, выскочило! – сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. В сердце и в глаз ему попали два осколка дьявольского зеркала, в котором, как мы, конечно, помним, всё великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное отражалось ещё ярче, дурные стороны каждой вещи выступали ещё резче. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль в глазу и в сердце уже прошла, но самые осколки в них остались.

– О чём же ты плачешь? – спросил он Герду. – У! Какая ты сейчас безобразная! Мне совсем не больно! Фу! – закричал он вдруг. – Эту розу точит червь! А та совсем кривая! Какие

гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он, толкнув ящик ногою, вырвал две розы.

– Кай, что ты делаешь? – закричала девочка, а он, увидя её испуг, вырвал ещё одну и убежал от миленькой маленькой Герды в своё окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь старушка бабушка, он придирался к словам. Да если бы ещё только это! А то он дошёл до того, что стал передразнивать её походку, надевать её очки и подражать её голосу! Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик научился передразнивать и всех соседей – он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, – и люди говорили:

– Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему были осколки зеркала, что попали ему в глаз и в сердце. Потому-то он передразнивал даже миленькую маленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудрёными. Раз зимою, когда шёл снежок, он явился с большим зажигательным стеклом и подставил под снег полу своей синей куртки.

– Погляди в стекло, Герда! – сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Чудо что такое!

– Видишь, как искусно сделано! – сказал Кай. – Это куда интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы они только не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиной, крикнул Герде в самое ухо:

– Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками! – и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и уезжали таким образом довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел человек, весь ушедший в белую меховую шубу и такую же шапку. Сани объехали кругом площади два раза; Кай живо привязал к ним свои санки и покатил. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он ехал дальше. Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, стемнело так, что кругом не было видно ни зги. Мальчик поспешно отпустил верёвку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к большим саням и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал – никто не услышал его! Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, хотел прочесть

«Отче наш», но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

Снежные хлопья всё росли и обратились под конец в больших белых куриц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно-белая женщина – Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

– Славно проехались! – сказала она. – Но ты совсем замёрз? Полезай ко мне в шубу!

И, посадив мальчика к себе в сани, она завернула его в свою шубу; Кай словно опустился в снежный сугроб.

– Всё ещё мёрзнешь? – спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй её был холоднее льда, пронизал его холодом насквозь и дошёл до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Одну минуту Каю казалось, что вот-вот он умрёт, но нет, напротив, стало легче, он даже совсем перестал зябнуть.

– Мои санки! Не забудь мои санки! – спохватился он.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая ещё раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

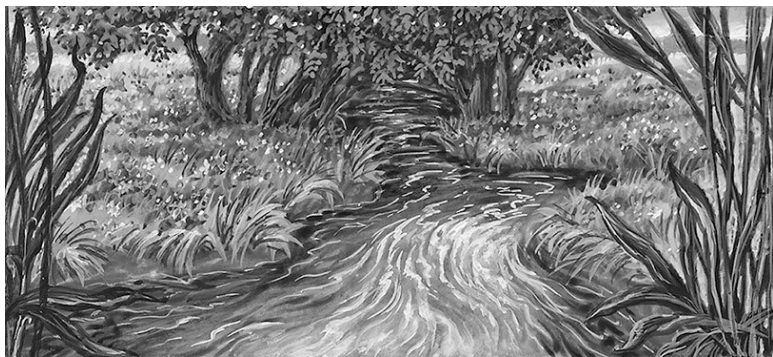
– Больше я не буду целовать тебя! – сказала она. – А не то зацелую до смерти!

Кай взглянул на неё; она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда она сидела за окном и кивала ему головой; теперь она казалась ему совершенством. Он совсем не боялся её и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да ещё с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он и в самом деле знает мало, и он устремил свой взор в бесконечное воздушное пространство. В тот же миг Снежная королева взвилась с ним на тёмное свинцовое облако, и они понеслись вперёд. Буря выла и стонала, словно распевая старинные песни; они летели над лесами и озёрами, над морями и твёрдой землёй; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком чёрные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь, – днём он спал у ног Снежной королевы.

Рассказ третий

Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? Куда он девался? Никто не знал этого, никто не мог о нём ничего сообщить. Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота. Никто не знал, куда он девался. Много было пролито о нём слёз; горько и долго плакала Герда. Наконец порешили, что он умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнышко.

– Кай умер и больше не вернётся! – сказала Герда.

– Не верю! – отвечал солнечный свет.

– Он умер и больше не вернётся! – повторила она ласточкам.

– Не верим! – ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

– Надену-ка я свои новые красные башмачки – Кай ни разу ещё не видал их, – сказала она однажды утром, – да пойду к реке спросить про него.

Было ещё очень рано; она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинёшенька за город, прямо к реке.

– Правда, что ты взяла моего названного братца? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей; тогда она сняла свои красные башмачки, первую свою драгоценность, и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же вынесли их на сушу, – река как будто не хотела брать у девочки её драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки не очень далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмаки в воду. Лодка не была привязана и оттолкнулась от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на сушу, но, пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла от берега на целый аршин и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьёв, не слышал её криков; воробьи же не могли перенести её на сушу и только летели за ней вдоль берега да щебетали, словно желая её утешить: «Мы здесь! Мы здесь!»

Лодку уносило всё дальше; Герда сидела смирно, в одних чулках; красные башмачки её плыли за лодкой, но не могли догнать её.

Берега реки были очень красивы; повсюду виднелись чудеснейшие цветы, высокие, раскидистые деревья, луга, на которых паслись овцы и коровы, но нигде не было видно ни одной человеческой души.

«Может быть, река несёт меня к Каю?» – подумала Герда, повеселела, встала на нос и долго-долго любовалась красивыми зелёными берегами. Но вот она приплыла к большому вишнёвому саду, в котором приютился домик с цветными стёклами в окошках и соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо.

Герда закричала им – она приняла их за живых, – но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним ещё ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала ещё громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

– Ах ты бедная крошка! – сказала старушка. – Как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула её к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радёшенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

– Ну, пойдём, да Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, – сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всём, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Но вот девочка кончила и спросила старуху, не видала ли она Кая. Та ответила, что он ещё не проходил тут, но, верно, пройдёт, так что девочке пока не о чем горевать – пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки! Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от полу и все из разноцветных – красных, голубых и жёлтых – стёклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным ярким, радужным светом. На столе стояла корзинка со спелыми вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно; пока же она ела, старушка расчёсывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились, и кудри окружали свеженькое, круглое, словно роза, личико девочки золотым сиянием.

– Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! – сказала старушка. – Вот увидишь, как ладно мы заживём с тобою!

И она продолжала расчёсывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названного брата Кая, – старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось.

Старушка боялась, что Герда при виде её роз вспомнит о своих, а там и о Кае, да и убежит.

Сделав своё дело, старушка повела Герду в цветник. У девочки и глаза разбежались: тут были цветы всех сортов, всех времён года. Что за красота, что за благоухание! Во всём свете не сыскать было книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишнёвыми деревьями. Тогда её уложили в чудесную постельку с красными шёлковыми перинками, набитыми голубыми фиалками; девочка заснула, и ей снились такие сны, какие видит разве только королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть на солнышке. Так прошло много дней. Герда знала каждый цветочек в саду, но как ни много их было, ей всё-таки казалось, что какого-то недостаёт, только какого же? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым из них была как раз роза – старушка забыла её стереть. Вот что значит рассеянность!

– Как! Тут нет роз? – сказала Герда и сейчас же побежала искать их по всему саду – нет ни одной!

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Тёплые слёзы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они смочили землю – куст мгновенно вырос из неё, такой же свежий, цветущий, как прежде. Герда обвила его ручонками, принялась целовать розы и вспомнила о тех чуждых розах, что цвели у неё дома, а вместе с тем и о Кае.

– Как же я замешкалась! – сказала девочка. – Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он? – спросила она у роз. – Верите ли вы тому, что он умер и не вернётся больше?

– Он не умер! – сказали розы. – Мы ведь были под землёю, где лежат все умершие, но Кая меж ними не было.

– Спасибо вам! – сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: – Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории; их наслушалась Герда много, но ни один из цветов не сказал ни слова о Кае.

Что же рассказала ей огненная лилия?

– Слышишь, бьёт барабан? Бум! Бум! Звуки очень однообразны: бум, бум! Слушай заунывное пение женщин! Слушай крики жрецов!.. В длинном красном одеянии стоит на костре индийская вдова. Пламя вот-вот охватит её и тело её умершего мужа, но она думает о живом – о том, кто стоит здесь же, о том, чьи взоры жгут её сердце сильнее пламени, которое сейчас испепелит её тело. Разве пламя сердца может

погаснуть в пламени костра!

– Ничего не понимаю! – сказала Герда.

– Это моя сказка! – отвечала огненная лилия.

Что рассказал вьюнок?

– Узкая горная тропинка ведёт к гордо возвышающемуся на скале старинному рыцарскому замку. Старые кирпичные стены густо увиты плющом. Листья его цепляются за балкон, а на балконе стоит прелестная девушка; она перевесилась через перила и смотрит на дорогу. Девушка свежее розы, воздушнее колеблемого ветром цветка яблони. Как шелестит её шёлковое платье! «Неужели же он не придёт?»

– Ты говоришь про Кая? – спросила Герда.

– Я рассказываю свою сказку, свои грёзы! – отвечал вьюнок.

Что рассказал крошка подснежник?

– Между деревьями качается длинная доска – это качели. На доске сидят две маленькие девочки; платьица на них белые как снег, а на шляпах развеваются длинные зелёные шёлковые ленты. Братишка, постарше их, стоит на коленях позади сестёр, опершись о верёвки; в одной руке у него – маленькая чашечка с мыльной водой, в другой – глиняная трубочка. Он пускает пузыри, доска качается, пузыри разлетаются по воздуху, переливаясь на солнце всеми цветами радуги. Вот один повис на конце трубочки и колыхается от

дуновения ветра. Чёрненькая собачонка, лёгкая, как мыльный пузырь, встаёт на задние лапки, а передние кладёт на доску, но доска взлетает кверху, собачонка падает, твякает и сердится. Дети поддразнивают её, пузыри лопаются... Доска качается, пена разлетается, – вот моя песенка!

– Она, может быть, и хороша, да ты говоришь всё это таким печальным тоном! И опять ни слова о Кае!

Что скажут гиацинты?

– Жили-были три стройные, воздушные красавицы сестрицы. На одной платье было красное, на другой голубое, на третьей совсем белое. Рука об руку танцевали они при ясном лунном свете у тихого озера. То не были эльфы, но настоящие девушки. В воздухе разлился сладкий аромат, и девушки скрылись в лесу. Вот аромат стал ещё сильнее, ещё слаще – из чащи леса выплыли три гроба; в них лежали красавицы сёстры, а вокруг них порхали, словно живые огоньки, светляки. Спят ли девушки или умерли? Аромат цветов го-

ворит, что умерли. Вечерний колокол звонит по усопшим!

– Вы навели на меня грусть! – сказала Герда. – Ваши колокольчики тоже пахнут так сильно!.. Теперь у меня из головы не идут умершие девушки! Ах, неужели и Кай умер? Но розы были под землёй и говорят, что его нет там!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.